Юз
Алешковский
МТР
Маленький
тюремный
роман

Юз Алешковский

Маленький тюремный роман

«Издательские решения»

Алешковский Ю.

Маленький тюремный роман / Ю. Алешковский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747752-3

«Маленький тюремный роман» — книга, как написано в одном из предисловий, «…удостоенная престижной российской награды для иноязычных писателей, пишущих на русском языке, — «Русской премии». «МТР» — ещё одно примечательное событие в русской литературе. А дали премию ещё и потому, что оставить новое произведение Юза незамеченным, перешагнуть, пройти мимо — нельзя. Всё тот же неповторимый, сложный, беспредельно русский язык.

ISBN 978-5-44-747752-3

© Алешковский Ю.
© Издательские решения

Содержание

От читателя 6
Маленький тюремный роман 7
1 7
2 13
3 17
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Маленький тюремный роман
Юз Алешковский

© Юз Алешковский, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От читателя

Прочитал сыну Вите по телефону абзац из Алешковского. Слышу – смеётся. Так, что нужно немного подождать, чтобы наш с ним разговор продолжить. Вите 40 лет. Телевизор не смотрит. Слушает «металлику». На «ты» с компьютером. Гаджеты. Интернет. В общем – новое поколение. Отсмеялся: – Папа, а откуда это, где можно полностью прочитать?

Не всё новое поколение выбирает «пепси». Новому поколению интересен Юз Алешковский, которому сейчас 86 лет. Его продолжают читать. Его поют. И не только «Окурочек», не только «Николая Николаевича», которые принесли ему всенародную известность ещё в прошлом веке. Сочинения Юза Алешковского – песни, романы, рассказы, крылатые фразы и выражения множатся в сетях Интернета и растекаются по самым современным электронным читающим устройствам.

Это и свидетельство мастерства писателя и оценка нас, читателей. Уровня нашего интеллекта. Если читаем Алешковского, если ПОНИМАЕМ его, если нам хочется, пробираясь через заслоны вирусов, разыскивать в Интернете его новые произведения – значит и мы на уровне. Потому что мир Юза Алешковского средненькому читателю не то, что недоступен, он ему – не заметен. Его будто бы и все знают, но, как будто до определённой черты. – А, – говорят, – это тот, который блатные песни пишет?.. И тут для них Алешковский заканчивается. Потому что Алешковский-поэт, Алешковский-мыслитель, Алешковский – мастер живого великорусского языка – это уже другой уровень восприятия. Зачем тянуться, зачем напрягаться? Книжные прилавки завалены тоннами доступной жвачки.

Я про всё это пишу не для того, чтобы показать, какой я умный и выше всякого среднего читателя. Но мне приятно напрягаться, читая прозу Юза Алешковского. Мне доставляет удовольствие следить за переплетениями блатной, литературной, деловой, революционно-марксистской лексики в одной фразе, в одном абзаце. Этим причудливым языком исписаны целые тома. Хуй и теорема Гёделя. Изысканный литературный оборот и жёсткий булыжник из блатной фени. И всё это органично, прекрасно сочетается, как четыре-пять мелодий в одной баховской фуге.

Но, всё-таки, главная отличительная черта Алешковского, то, что роднит его с дорогими моему сердцу Пушкиным, Гашеком, Рабле, – это способность вызывать у читателя улыбку, даже если говорит он о вещах серьёзных. Юз – мастер иронии. И поколение новых, необстрелянных, обвешанных гаджетами читателей, любят его ещё и за это.

И, вместе с Алешковским, они смеются над тупостью и лицемерием новых взрослых России…

P.S. Я ни слова не сказал о содержании «Маленького Тюремного Романа» – книги, как написано в одном из предисловий, «…удостоенной престижной российской награды для иноязычных писателей, пишущих на русском языке, – «Русской премии». Хотелось вскрикнуть им туда, в литературное пространство: – Господа, ИНОЯЗЫЧНЫЙ – это кто? – Алешковский?..

Но всё равно – дали премию – спасибо! Потому что «МТР» – ещё одно примечательное событие в русской литературе. А дали премию ещё и потому, что оставить новое произведение Юза незамеченным, перешагнуть, пройти мимо – нельзя. Всё тот же неповторимый, сложный, беспредельно русский, язык.

И – ещё одно страстное, категорическое «НЕТ!» страшной машине советской тоталитарной системы.

Александръ Дунаенко.

Маленький тюремный роман

Жоро Борисову, прекрасному поэту Болгарии, которого невозможно представить без его милейшей жены, высокоученой Сашки – непредставимой без Жоро – на память о наших прогулках по песочку-бережечку Мексиканского залива.

Разница между театром и жизнью – театр начинается с вешалки, жизнь может ею закончиться.
Ольга Шамборант

ПАМЯТИ НЕВИННЫХ ЖЕРТВ ЛЖИВОЙ УТОПИИ

Консьержери тюрьма моя
Мой Тауэр моя Бутырка
Прощайте милые друзья —
Ведут в затылке делать дырку.

1

Беспокойно спавший человек, о котором пойдет речь, увидел себя во сне в невообразимо огромном римском Колизее, кладка которого была обвеяна всеми ветрами вечности и радовала взгляд благородством форм, чьи детали жили во многовековой любви друг к другу; рядом с этим архитектурным чудом показался бы невзрачным гномом любой из стадионов мира; величественное здание Колизея было расположено, – если бросить взгляд с высоты небесной, – в необозримо ослепительном, белозеленом березовом лесу, начисто лишенном примет присутствия людей, зверей и птиц; несмотря на явную близость чуть ли не всеобщего долгожданного торжества, тот человек испытывал во сне гнет малопонятной и вообще необъяснимой безысходности; она непонятно почему мешала ему разделить сдержанное мстительное злорадство большинства людей, присутствовавших в Колизее и остро жаждавших зрелища, готового начаться; спавший, разумеется, даже во сне не сомневался в брезгливом отношении своей души к чуждой ей низости этого исключительно человеческого чувства – чувства долгожданно злорадной, чуть ли не оргаистической близости зрелища показательного возмездия кому-то за что-то, или ни за что, – главное, лишь бы не тебе лично; о как ему хотелось в те минуты быть не человеком, а звоночком-жаворонком или ласточкой, одинокой ресничкой небес, чудесно отдаленной от сует земных, от грязных дел людских, – птахой, безмятежно наслаждающейся надмирными высотами да подчиненностью крылышек малейшим прихотям всесильных воздушных потоков.

Предвосхищение чего-то необратимо ужасного, вот-вот готового произойти и захватить каждого из присутствовавших в Колизее, мучительно сдавливало сердце, сбивало дыхание человека, все глубже и глубже погружавшегося в сон, словно в смертельно опасный омут.

«Возможно, – думалось ему во сне, – злобный демон этой трижды проклятой безысходности, донимает еще из-за того, что в здешнем амфитеатре не имеется ни междурядий, ни фойе с приличным буфетом, ни сортиров, к сожалению, физиологически необходимых в любом зрелищном центре… необыкновенно странным кажется полнейшее отсутствие знаменитых женщин России… ни тебе тут шикарных всепорочных фрейлин двора, ни великих актрис, ни

балерин, ни художниц, ни партийных функционерок, ни престарелых народоволок, пропахших до мозга костей смесью парижских духов с инфернальным смрадом каторги… впрочем, не идиот ли я думать черт знает о чем?»

Он старался – как это бывает во сне – решительно соотнести с прИмороком, как бы то ни было, любезную душе реальность и освободиться от гнетущих чувств, поэтому отвлекался от них, пробуя понять, как именно возник сей шедевр древнеримской архитектуры в девственных краях Отечества, и каким образом доставлены сюда все приглашенные… почему у нескольких врат Колизея – ни войск, ни полиции, ни конных казаков, ни жандармерии, ни шпиков, ни рабоче-студенческих демонстраций, ни карет, ни извозчичьих пролеток?.. что означает полное отсутствие дворцовой гвардии и всегда соглядатствующей черни?.. его оглушал нестихающий гул необыкновенной разноязычности и малопонятных выкликов… повсюду представители всех имперских народностей… степенно настроены министры очередного кабинета… за наигранно серьезным видом фракционеров всех думских партий – отвратительность инфантильного упоения своей значительностью… генералы и адмиралы, почти как дамы, бессознательно очарованы своими наружностями, обвешанными златом и алмазами наградных побрякушек… кого только не было вокруг!.. известные политики, лидеры многих государств, высшие чины православия, магометанства, иудаизма, буддизма, фигуры видных писателей, философы, охотно покинувшие обжитые башни из слоновой кости для барахтаний в низинах земного бытия… вон – изнывает от романтичности возвышенных эмоций и давно ожидаемого торжества времени знаменитый поэт, восторженно балдеющий от действительно нечеловеческой «музыки революции»… потирая ручки, сбились в кучку чрезвычайно самодовольные фанаты экстремистской ульяновской утопии… это слово, как лукавый бесенок, нашептывало спавшему, что глагол «утопить», отныне будет связан не только с тургеневской трагедией «Муму», но берите, сударь, гораздо выше-с… слева – свора адвокатов, остро осознавших, судя по их виду, историческую важность своих персон для социума дикарской страны… это свершившийся факт: наконец-то они обрели статус незаменимых столпов Права, щитов Закона и теперь являются пожизненно обеспеченным сословием, призванным самой Историей к чертовой матери сменить порядком обветшавшую иудео—христианскую совесть на ее изнурительно тяжелом, главное, малооплачиваемом посту.

Во сне тот человек любопытствовал и с чисто музейным ротозейством приглядывался к группкам желтописцев, солидных писателей, крикливо одетых футуристов, к издателям, крупным инженерам, академикам, светилам театра, идолам синематографии, хирургии, офтальмологии, разумеется, ипсихиатрии – обозреть каждую из представительных, а также ничтожных, частиц всего мужского российского общества было невозможно… отсутствие женщин показаться угрожающе символичным и крайне подозрительным… вот чей-то знакомый густой радиобаритон, словно бы возникший из будущего, попросил всех официальных делегатов и разномастных гостей Всеимперского Общегосударственного Конституционного Совещания занять свои места, напомнив, что оно созвано по высочайшему распоряжению Его Императорского Величества.

«Надо полагать, – подумал спавший, – вся эта сволочь, там у себя в Зимнем, наконец-то разумно восприняла всю серьезность решительного окончания слишком затянувшейся агонии бездарнейшего российского самодержавия… главное теперь в том, чтобы власть оказалась в руках трезвомыслящей социал-демократии и партий центра, но ни в коем случае не у черной сотни и, разумеется, не в жаждущих крови кащеевых лапах лжефилософа, интригана, опасно латентного садиста Ульянова и своры его бандитов».

И вдруг – вдруг отполированные веками каменные плиты огромной арены начали медленно размыкаться, словно бы подчиняясь титаническим усилиям богатырски могучих демонов хтонических бездн… монарх-самодержец тут же вознесся над подземны царством, естественно, тоже принадлежавшим обдриставшейся династии… каменные плиты сомкнулись – тютелька в тютельку, шов ко шву – уже под безукоризненно начищенными штиблетами монарха… это показалось спавшему безмолвным символом необратимости, перекрывшим все пути назад и намекнувшим на предначертанность единственно правильного из всех возможных путей вперед – пути туда, к животворным источникам свободы, демократии, равенства перед Законом, социальной справедливости и к прочим баснословным чудесам нравственно действенного преображения человека, а также прогресса смягчения жестоких условий его существования.

Император был во всем штатском, прекрасно на нем сидевшем: изящный темносерый костюм, белая манишка, галстук в мелкий триколор; тишина воцарилась – именно воцарилась! – столь мгновенно и властно, что спавшему стало не до каламбурической иронии относительно ее царственности.

«Не лучше бы, – подумалось ему тоскливо, – царственности оставаться царственностью – как одному из высоких качеств Венца Творенья – и быть в глазах нации институтом чисто символическим, всегда обеспечивающим ценность и некоторую священность сложившейся в веках иерархической системы власти, а также божественного первенства величия простоты, безоружно стоящей на страже лицом к лицу с плебейскими мнимостями всего, по сравнению с нею, эстетического и политически искусственного?.. увы, – решил он, – как бы то ни было, аристократичная простота, хоть она и пытается сохранить остатки исторического величия, полностью обанкротилась вместе со своим хваленым гипнотическим великолепием… будущее – исключительно за демократией, ну а что касается пошлятины, неизбежно грозящей обществу сменой одних подешевевших идолов на другие, обесценивающиеся с еще большей скоростью, – то уж с чем-чем, а с подобной шелухой истории просвещенная часть нации справится легко и решительно».

Дорогие жители Российской Империи, глубокоуважаемые зарубежные гости, ясное осознание того, что во всех слоях общества, у каждого из народов, населяющих нашу Державу, возникла закономерная жажда социально-политических, не побоюсь сказать, революционных перемен, – я, Император Всея Руси Николай Второй, ради избежания чудовищных в близком будущем народных бедствий и несчастий, имел трудную радость своевременно прислушаться к велениям Ангелов Истории, главное, к поучительно мудрым советам Времени… поэтому без какой-либо торжественности, руководствуясь данными мне свыше правом, волей, а также гласом собственной совести, объявляю о ряде необходимых для страны нашей незамедлительных, основополагающих, коренных реформ всего имперского государственного организма… очевидно, что они являются синтезом всех полезных идей и проектов, исповедываемых вашими представительными партиями, отдельными политологами, философами, идеологами и ответственно мыслящими гражданами России… разработкой этих реформ и практическим их внедрением в нашу общую жизнь должны немедленно заняться политики, финансисты, экономисты, промышленники, торговцы, которых, надо полагать, безоговорочно поддержат рабочий класс, крестьянство, круги научной и художественной интеллигенции… мы все, добавлю, должны должны быть совестливыми служащими Реформ, хотя бы на время поднявшимися над партийными спорами, утопическими доктринами, безответственно сулящими тем, кто был ничем, стать всем, а также над сугубо консервативными взглядами, которые явно мешают нормальному прогрессивному развитию нашего миролюби-

вого многонационального государства… это не пустые слова, но призыв к каждому из граждан Империи прочувствовать высокую ответственность как перед нашими предками, так и перед потомками… являясь пока еще действующим символом власти, объявляю в данный миг о начале государственной политики строгого нейтралитета, гарантирующей устойчивое развитие всех наших мирских институтов – от свободного капиталистического рынка до финансовых дел, промышленности, торговли и сельского хозяйства… имею в виду развитие, вменяющее в обязанность любой из будущей законодательной и исполнительной власти заботу о непременной социализации распределения общенациональных доходов, справедливого для всех граждан, особенно для неимущих.

Но поскольку Самодержавию (таково уж повеление Ангелов Истории) пришла пора удалиться на покой, – в течение полугода должен быть подготовлен и осуществлен всенародный референдум… без какого-либо различения национальностей, вероисповеданий и сословий он, судьбоносный референдум, поставит перед всеми гражданами Российской Империи, достигшими совершеннолетия, не больше трех вопросов о предпочтительной для них политической структуре будущей демократической, подчеркиваю, многонациональной Империи… откровенно говоря, лично мне ближе остальных – Великобританский образец имперского государственного устройства, включающего в себя чисто формальное существование Королевства – существование, удовлетворяющее исторически, эстетически и бытообразно традиционно жизненную нужду народа, опять-таки в символическом присутствии Монархии.

Следующий шаги: сообразное решению всенародного референдума, принятие Конституции, полностью определяющей свободы, права и обязанности как каждого из граждан, так и ряд конкретных отношений всего Государства к каждому из них… проведение свободных выборов в высшие органы власти… образование просвещенной Комиссии, обязанной выработать быстрые, но долгосрочные меры, способствующие установлению справедливых отношений между трудом и капиталом… я уверен, что общественно-политической жизни демократического государства необходима высоконравственная, вновь подчеркиваю, просвещенная, критически мыслящая и, безусловно, деятельная оппозиция… ее существование будет поддержано всеми законами, а также силовыми службами, обязанными охранять и защищать порядки новой конституционной общественно политической жизни… именно поэтому мною дано указание незамедлительно выслать за пределы Империи всех до единого вождей так называемого большевизма, ратующего за кровавую революцию и якобы исторически необходимое превращение чудовищной империалистической – в еще более отвратительную гражданскую бойню, победители в которой – это обещано их лидером, господином Ульяновым – ни в коем случае не повторят «архилиберальных ошибочек» революции французской… в дальнейшем, после непременного отказа от принципов политического экстремизма, этим господам-товарищам будет позволено подавать прошение о возвращении на демократическую родину и о праве на участие во всех областях общественно-политической жизни народа…

Наш долг и прямое веление совести – расмотреть без какой-либо предвзятости, причем с позиций сегодняшнего времени, классические концепции политической экономии, а также полезные актуальные положения весьма и весьма агрессивного марксизма, не говоря о практических рекомендациях главного бухгалтера мировой революции господина Маркса…

Речь монарха усиливалась невидимыми мощными микрофонами; вместе с тем она, что странно, не оглушала, но несколько обескураживала и буквально ошарашила всех присутствующих неслыханными, чуть ли не фокусническими новшествами; вдобавок изумила непривычной универсальностью проекта, словно бы вобравшего в себя все остальные разнопартийные программы, – так что показалось невозможным, нелепым, смешным уверовать в возможность реального воплощения в действительность ее поистине революционных смыслов; все фигуры этой речи, все ее высказанные и подразумевавшиеся идеи словно бы иронически издевались

над обеими революциями сразу: над пресловутой, тою что сверху, и той что снизу, прокламируемой действительно взбесившимися агрессивными большевиками; постепенно ошарашенность с обескураженностью слились с разливанным морем какого—то первобытного всеобщего самодовольства, презрительно выражавшего превосходство «гражданси ответственного здравомыслия» над лукавой изворотливостью прекраснодушных маневренных иллюзий царя-банкрота, Николашки кровавого; многие, в том числе и спавший, считали эту речь – речью психически нездорового самодержца, явно надломленного смертельным недугом Наследника, собственным пьянством, кликушествующей государыней, засильем распутинского шарлатанского оккультизма, сановной шпаной придворья и беспределом великосветского разврата.

…Продажа лицензий – на очень выгодных для наших и зарубежных финансистов условиях – ускорит геологическую разведку и добычу драгоценных металлов, нефти, угля, железных руд, леса, редкоземельных элементов, нужных наукам и технологиям, а также поддержит всемерное развитие оснащенного техникой сельского хозяйства, транспорта, соответственно, повсеместного дорожного строительства на всей огромной, богатейшей, но слабо освоенной территории нашей России, скорей уж похожей, господа, на суверенную планету, чем на шестую часть суши… мир нашего общества, охраняемый Законом и вооруженными силами государства, должен стать условием превращения России – страны, надо сказать, во многом осталой и как раз из-за собственной огромности еще не научившейся повсеместному развитию своих природных богатств и людских ресурсов, – в мировую державу, гарантирующую благоденствие всем народам Земли и верность прочному союзу с другими державами, избавившимися от стереотипного отношения к ней как к «русской опасности»… наши деловые возможности и ископаемые богатства практически неисчерпаемы… так что дело, господа, за, вновь повторяю, ответственным перед историей согласием дрочующихся политиков и политиканов сделать интересы нового конституционного государства доминирующими над склоками честолюбивых и властолюбивых партий… только в этом случае политикам, финансистам, технократам, ученым, промышленникам, торговцам, военным специалистам, трудящемуся крестьянству, и организованному в профсоюзы пролетариату окажется по плечу грандиозная реформистская задача, поставленная Всевышним, Временем, и Историей перед всеми народами нынешней Империи.

Прошу прощения за всего лишь приблизительно очерченные контуры необходимых реформ, кажущихся мне более радикальными, чем революция Петра Великого, но ясно что совершенно необходимыми для всех видов достойного существования многонационального, главное, демократического государства… прямая наша обязанность – сделать Россию великой во всех отношениях державой… уважаемые господа, я жду деловой дискуссии… извините за несовершенство моей фразеологии…

В следующий миг спавший человек увидел себя в огромном жерле Коллизея, в каше беснующихся толп людских, изрыгающих бессмысленные крики, надрывные вопли и механически тупо скандирующих какие-то лозунги.

Он, тупо повинуясь какому-то смутному закону общеродовой жизни, сделался бездумной частичкой орущей человечьей массы, почему-то взбешенной, опьянявшей саму себя единым порывом к безнравственному – свойственному всем революциям – хаосу, – массы, видимо из-за страха перед неизбежным обломом, руководимой коллективной, точней, стадообразной психикой; а уж она, раздув одуревшие ноздри, звала все стадо к наркотическим источникам дьявольски самоубийственного отрицания очевидного добра, а также достойного труда гражданского существования; тот человек, почувствовав себя во сне представителем подавляющего большинства, сам того не желая, тоже одурел, словно выкурил пару самокруток анаши; он, подобно всем всему поголовью стада, что-то выкрикивал, орал, вопил, скандировал, провоз-

глашал, демонстрировал… затем, ухарски разув одну ногу, с упоением и азартом влился своим полуботинком в громоподобный «хор» подошв и каблуков… стадо все ритмичней и ритмичней колошматило ими по полу, по пюпитрам, пюпитрам, пюпитрам… странное дело, всего лишь дружный грохот подошв и каблуков, начисто заглушавший человеческие голоса, становился все нестерпимей и нестерпимей – он разрывал перепонки, неслучайно названные барабанными, пока не встряхнул, пока не заставил спавшего человека пробудиться.

2

Обычно, так же как в детстве, после какого-нибудь невообразимо страшного сновидения, за секунду до чудовищного небытия, непременно ставившего все существо Александра Владимировича Доброво на краешек некой бездны, он просыпался действительно в натуральном холодном поту от смертельного ужаса, обернувшегося – о, счастье, о, счастье, о, счастье! – внезапным спасением от гибели; потом, в течение нескольких длительных, можно сказать, волшебных минут наслаждался пробуждением к прелестной яви либо дня, либо продолжающейся ночи.

Проснувшемуся поначалу показалось, что невыносимо страшный сон и неминуемая гибель, слава Небесам!, тут же обернулись привычной, на миг показавшейся незнакомой реальностью – любимей и родней которой не бывает; он некоторое время упивался радостью существования, не замутненной ни одним из обстоятельств жизни; это было то счастливое состояние тела и души, которого никогда ему не доставляли, да и не могли бы доставить, ни подарки, ни дивные книги, ни увлечение естественными науками, ни путешествия по Европе, ни юношеские похождения с премилыми дамами, ни пирушки с друзьями, ни радостная приязанность к дочери Верочке, ни даже безоблачная (до некоторых пор) любовь к жене Екатерине Васильевне; потом, прямо как завзятый дзен—буддист, опустошенный/одухотворенный в часы медитации, он не спешил выбраться из постели, наслаждаясь безмыслием и бесчувствием, – таким самодостаточным было его упоение; то есть он просто существовал, как причащенные к фауне червь, мотылек, любая лягушка-зверушка, бурундучок – жил, радуя себя и других, подобно травинке, васильку, деревцу, облаку, озерной водице; жил, словно бы и не замечая, что живет совершенно не нуждаясь в еще одного из своих, по его убеждению, неоднократных пребывания на белом свете.

Очнувшись же и оказавшись с глазу на глаз с явью тюремной одиночки, к тому же безжалостно пытающей светом мутной лампочки, А.В.Д. (так его с детства именовали родственники, друзья, потом жена, дочь, коллеги, теперь вот и лубянские садисты) почувствовал все ту же, многодневную, неотпускающую боль, словно бы навеки сросшуюся с тем, что от тела осталось; но в ней, в страдающей телесной оболочке, судя по всему, избитой-перебитой, явно одноглазой, измордованной пытками, голодом, ночными допросами, невыносимой, как оказалось, бессонницей, – в ней, превращенной в жалкую, еле дышащую, забывшую о покое тряпицу жалкой плоти, ненавидящую существование, – еще безропотно трепетала душа и теплилось сознание; оно, живое-невредимое – назло всем нетопырям палачества и вообще всей этой нелюди – своевольно плюя на телесные муки и явно не желая порывать все связи с действительностью, помогало растерянному разуму А.В.Д производить ни на что не годные, более чем отвлеченные мысли.

Например, его – ни к месту, ни к времени – очень серьезно заинтересовало то, с каким дирижерским артистизмом добивается боль, черт бы ее побрал, симфонического совершенства всех своих безмолвных, не похожих друг на друга звучаний в башке, в ноющей безглазой дыре, в плече, в костяшках пальцев, в бедре, в позвонках; а душа, вновь и вновь просматривавшая все подробности и страшные смыслы сновидения, как это делают малолетние любители синема, – душа испытывала неописуемые муки от стыда за тело А. В. Д.; это было самое беспощадноое, самое жестокое из всех возможных видов пожизненного, если не посмертного, наказания… внимательное просматривание сновидения терзало вовсе не болью, а осознанием необратимости случившегося: глупой потерей всего того, что было когда-то благими возмож-

ностями, заживо погребенными лично им вместе с толпами других недальновидных политиканов—идиотов; поэтому приведение в исполнение высшей меры – в казнь необратимостью – казалось А. В. Д. невыносимей любой из безобразных картинок ада, наверняка сконструированного самим человеком, наделенным, в отличие от мозговых аппаратов всех остальных живых тварей, мощным – к сожалению никем и ничем не ограничиваемым – воображением.

«Кто-кто, – думал он, – а уж саморазвивавшееся воображение наловчилось не только производить идеи и создавать множество великих мифов – в том числе зловредных, точней, утопических, – но к тому же измышлять, порою создавать иные реальности с помощью религий, наук, технологий и искусств… тем не менее, нет абсурдней того факта, что воображение именно возмущенного разума порою не способно – в отличие от всех растений, животных, даже вирусов и бактерий – полностью соответствовать простым смыслам и истинам существования… с огромным пафосом вознося над собою знамена различных мифических идей, доктрин и утопий, бесконтрольно разыгравшееся воображение нашего разума извращает, уродует и, в конце концов, медленно уничтожает все природные основы существования».

Разумеется, А.В.Д. (он был очень способным функционером одной из партий) еще в семнадцатом полностью ощутил и осознал непростительную постыдность своих недавних прекраснодушных, в сущности, совершенно безнравственных политиканских пристрастий, но почему-то ни одно из уродств дьявольски воцарившейся диктатуры совдепии не порождало в нем такого ужаса и адского стыда, как привидевшийся сон о его собственной реакции на выступление Государя Императора и о почти всеобщем отношении самоубийственно настроенной публики ко вполне своевременному, радикальному, но весьма разумному проекту, естественно, нуждавшемуся во всестороннем обмозговывании.

Дело не в том, сокрушался А. В. Д., что многие тезисы выступления предлагали далеко не совершенные, хотя вполне реальные пути бескровного, достаточно прогрессивного развития наций, а в том, что пути эти лежали под носом и у него лично и у массы прочих, таких же как он, идиотов, совращенных кипящим от возмущения разумом… так или иначе, одних очаровывал пафос «музыки революции», другие «сливались в хоровом экстазе» под мелодию и текст скорей уж стадного, чем партийного «Интернационала», третьи, четвертые и пятые покупались на пошлятину заведомо невыполнимых программ, – программ, основанных черт знает на чем, но только не на инстинкте самосохранения и не на трезвом знании аспектов политико—экономической реальности российской действительности того времени.

«Хорошо еще, что они взяли меня – увы, кретина прошлой жизни, райской по сравнению с нынешней – не в кругу семьи… просто – счастье, что трое моих гостили на даче у кузины… Господи, сделай так, чтоб их оставили в покое» – подумал и взмолился А. В. Д.

Сия мысль произвела волшебно обезболивающее действие на человека, уже мечтавшего о внезапной смерти и обдумывавшего как бы ко всем чертям самоубиться; только мысль побудила все его существо воспрянуть к жизни; к тому же она моментально оживила инстинкт мгновенного сопереживания беды ближних – беды любимой Екатерины Васильевны, обожаемой Верочки и несчастного пса Гена.

«Должно быть, теперь их тоже взяли – абсолютно невинных, чистых и умом и душою… не одни мы такие – вокруг свирепствует пандемия очумевшего террора… а собаке-то – за что же ей такое горе?.. Господи, мать Пресвятая Богородица, простите многогрешного мя, спасите их всех троих, а что до меня, то пусть истязают, я уже привык, да и просить больше

некого… Великомученник Святой Трифон, помоги, отыщи выход из положения ради спасения двух самых близких на земле людей и родной собаки, впрочем, помоги всем невинным жертвам совдеповских безумств».

А.В.Д. вдруг почувствовал, как рядом с ожившим инстинктом встали готовые к атаке его товарищи по схватке: просто-таки лучезарная ярость и страстное желание действовать; несмотря на пытки и унижения он молчал две недели, показавшиеся адски вечными из-за исчезновения чувства времени в его существе, истязаемом пытками; «злостное, вредительское, вражески упрямое молчание» доводило чуть ли не до сладострастного иступления самого капитана Дребеденя, старшего следователя и его сменных сотрудников; иногда им казалось, что из-за жестокости предпринимаемых при дознании физических мер воздействия, начальству лучше уж оставаться в стороне от участия в трудных допросах и поберечь нервишки.

Однако Дребедень, подзаведенный издевательским отношением гражданина Доброво к задачам дознания, думал иначе, ибо настало время соответствовать задачам, поставленным партией, а также вождем всего трудового народа – народа, покоряющего в авангарде всего человечества пространство и время; поэтому он был обязан вдохновенно выдумать и вообразить, затем юридически грамотно запечатлеть политическое преступление, совершенное вредителем советской науки, в правовой, будь она проклята, реальности; причем, не просто выдумать, но еще и твердо уверовать в то, что таковое преступление действительно произошло в исторических условиях классовой борьбы, – буквально в эпицентре змеиного гнезда профашиствующих биологов-генетиков; при этом предварительное следствие обязанно ответственно и скрупулезно – чтоб комар носа не подточил – соблюдать все до единой процессуальные тонкости ведения дела; сугубая конспирация, активно-оперативные действия, надлежащим образом обеспечивающие тишиной мирный досуг миллионов честных советских людей, ордера на арест, обыск, подписи понятых, своевременное предъявление обвинений, данные различных экспертиз, показания свидетелей, безупречное, до малейшей запятой, протоколирование – все это должно выглядеть с иголочки, за нарушение – партбилет на стол, вон из НКВД; только тогда, товарищи, полное признание подследственного обретет органическое право являться основной уликой, достаточной для вынесения нашими судами и трибуналами – безусловно, самыми демократическими в мире – строгого приговора неисправимому вредителю, подлому врагу народа.

Возглавлявший следствие Дребедень был, так сказать, чисто по-писательски настроен на волну соцреализма в литературе и в других искусствах – на волну, к величайшему сожалению органов, еще не ставшую «девятым валом, который смыл бы к ебени матери в помойку истории тряпичную ветошь буржуазной юриспруденции»; так открыто высказывался их прямой начальник полковник Шлагбаум; Дребедень и вся его команда трудились по-стахановски; каждый безумел от желания поставить, согласно распоряжению Наркома Ежова, рекорд скоростного раскалывания каждого негодяя, предателя, врага, шпиона, заговорщика, диверсанта и вредителя; раскалывать эту мразь следует так, чтобы даже смерть показалась данной проститутке троцкизма-антисталинизма точно такой же недостижимой мечтой, какой в придонной глубине души молодого выдвиженца Дребеденя являлась официальная, якобы всенародная мечта о «придуманном жидами» коммунизме; не известно откуда взявшееся в образцовом чекисте инакомыслие – к тому же подпитанное модернизированными пещерными мифами – неимоверно пугало его самого, казалось очень странным вывихом ума, вынуждало внутренне чертыхаться и проклинать «светлую мечту», желая ей «провалиться пропадом ко всем чертям, вместе взятым по одному делу».

На предпоследнем допросе А. В. Д. Дребедень, до пота вымотавшийся, подзаведенный постоянно упрямой молчанкой «генетической сволоты», встал над арестантом, валявшимся в ногах, и, чумея от вседозволенности, как от перепива сивушной самогонки, врезал ему в левый глаз носком вреза шеврового сапога – глаз полувытек; потом, испытывая нечто вроде оргазма, снимающего напряг чувств, мыслей и воли, благодушно спросил: «Ну как ты, А.В.Д., чуешь себя в НКВД?»

Арестант, к своему счастью, ничего уже не чуял, ни о чем не думал; чекисты перепугались того, что, перебрав, жидко, по их словам, обосрались, допустили смерть подследственного не в камере, а на рабочем месте… ой, блядь, могут понизить в званиях… перевести на службу в дальние командировки ГУЛАГа… да и долго ли расстрелять к той же самой матери, пришив лучшим своим кадрам злонамеренный саботаж?.. «Мандавошки, это конец нашей карьеры», – тихо произнес Дребедень.

Срочно вызванная медчасть успокоила порядком перетрухнувших садистов; «Подследственный, – сказал им лепила, – всего лишь потерял сознание, как это часто имеет место быть в гуще славных наших буден».

А.В.Д. оказали первую помощь, обработали рану, наложили повязку, рекомендовали обеспечить «данную единицу, резко травмированную патологическим отсутствием у себя гражданской совести, сверхусиленной нормой кормления в течение трех-четырех суток, каковой следственный гуманизм ломает самых сильных», затем унесли на носилках в ту же одиночку.

3

Боясь шевельнуться и обдумывая ряд игровых комбинаций, арестант проникся гораздо бОльшим азартом, чем тот, с которым резался в преферанс, особенно в покер, со своими партнерами; в зависимости от пришедших карт, гениально блефовал; партнеры, запутавшиеся в напрасных догадках, начисто терялись: им приходилось бороться с ним, по сути дела, вслепую, что делало незаметным опасное соскальзывание кое-как расчитанной рискованности к губительной неопределенности, чреватой непредвиденностями и невероятностями хода игры; при этом А. В. Д. словно бы просвечивал подсознанку и знакомых и незнакомых партнеров, которая незаметно руководит мышлением и темпераментом даже профессионалов игры, их манерами, жестами, дыханием, мелкими, но многозначительными внешними приметами каких-либо тайных наклонностей, ну и так далее.

Лишь воспоминания о недавнем сне и о пробуждении, не раз приносившем счастье, а вот «одарившем» ничем не снимаемым стыдом и запоздалой сокрушенностью, вновь и вновь отвлекали, арестанта, неподвижно валявшегося на коечной подстилке, от обмозговывания необходимого порядка действий; отвлекали, тыкали и тыкали, как тыкают кутенка – мордой в нагаженное – прямо в образы и смыслы сна о выступлении Государя Императора; воспоминания были не только несравненно страшней избитости, одноглазия и, в общем-то, неминуемой смерти, но и острей всех прежних покаянных чувств и мыслей о своей прямой вине и причастности к разрушительным, самоубийственным, по сути дела, действиям и пристрастиям даже вполне умеренных политиков; одно дело – схватиться за голову из-за дьявольщины, воцарившейся в Совдепии, сострадать всем сердцем миллионам невинных людей, попавших в мясорубку сталинского террора, а вот почуять все такое на своей шкуре, но представить арест самых близких и любимых людей – невообразимо тяжело; это была не просто каверза судьбы, а непрерывная пытка, вызванная и трижды усугубленная прямой виной А. В. Д. за причастность ко всему происшедшему с Россией, теперь вот и с ним самим; прошлое обернулось настоящим, по колдобинам которого он вместе с другими самоубийственно настроенными крупными и мелкими пастырями-политиканами гонит на убой стада невинных людей, среди них мелькают фигурки жены, дочери, обожаемой собаки… «Господи, – стенал арестант, – сжалься над ними, я немощен, я в аду».

А.В.Д. не заметил, как потерял на пару минут сознание, словно бы почуявшее необходимость отключить человека от невыносимой действительности; очнувшись, умял принесенную надзором миску баланды с птюхой хлеба.

Когда его, слегка отдохнувшего, пришли проведать – «по экстренному приказу начальства» – двое подручных Дребеденя, он заблефовал: сделал вид вид человека, вовсе не рвущегося в бой, наоборот, убитого своим постыдным молчанием, поэтому наконец-то готового во всем сознаться; он заявил, что, что желает всемерно сотрудничать со следствием, самостоятельно передвигаться; при этом он, якобы сломавшись, разрыдался так жалко, так по-детски, так искренне, как учил его в юности сам Станиславский, чудом превративший родного дядю, братца матери А. В. Д., большого шалопая и горького пьяницу, в серьезнейшего театрального художника, сознававшего важность своей трезвой жизненной роли.

На новый допрос А. В. Д. был доставлен на носилках и осторожно усажен в мягкое кресло, отнесшееся к его избитому телу с милосердной внимательностью живого участливого существа; это его тронуло, но он тут же себя одернул: сентимент показался чреватым опасной рас-

слабленностью воли и даже, как говорят бывалые люди, возникновением благодарной признательности к палаческому следствию за передышку и проявление гуманости, а все это вполне могло стать помехой маневренному блефованью; поэтому он сразу же крайне резко дал понять одному из подручных, что будет говорить только с гражданином Дребеденем; те немедленно вызвали своего старшего по телефону.

– Ну как ты себя чуешь, Авэдэ, тут у нас в НКВД? – с прежней садистичной ехидцей и по—простецки спросило начальство.

– Вашими молитвами, точней, хуже некуда… извините, гражданин Дребедень, этот разговор должен быть наедине… кроме того, после первого же обращения на «ты», вы сызнова не услышите от меня ни слова… молчать, как вам известно, я умею, знаком с волевой методикой самого Камо.

Знакомство тоже было блефом, но арестант в самом деле страдал, говорил действительно с большим трудом, это как раз помогало блефовать, запутывать, одурачивать злодеев, что полностью отвечало первым пунктам его вроде бы неплохо продуманного давнишнего плана, который следовало бы безкоризненно точно воплотить в жизнь.

– «Сызнова», – иронически повторил Дребедень барское словцо, кольнувшее его слух и вызвавшее ухмылки подручных, – а я вот еще раз советую не выкаблучиваться и не тянуть меня «на понял»… лучше подумать о последнем глазе – не на приеме ведь находимся, так сказать, у известного глазника, профессора Филатова… мною решено сегодня же начать дознание, оно же допрос Екатерины Васильевны, жены врага народа, и дочери такового Веры, но сначала отдельно от него, а потом уж окучим вас всех вместе… да, да, вместе – он потер ручки, довольный – ничего не поделаешь, придется уж тебе, А.В.Д., понаблюдать за таким вот натюрмортом Кукрыниксов.

Дребедень говорил, заметно избегая нежелательных местоимений; арестант жестом поманил его наклониться поближе и прошептал в самое ухо:

– Не будьте идиотом, повторяю – на-е-ди-не… до вас дошло?

Дребедень с привычной властностью не просто кивнул подручным, а с манерной резкостью указал подбородком на дверь – те немедленно удалились прочь.

– Не забывайте обращаться ко мне только на «вы», – вежливо, но твердо, повторил А. В. Д., – в конце концов, вы же грамотей в первом поколении… считайте, что вам, возможно и мне, очень повезло… со своей судьбой я уже примирился, ваша – в ваших руках… если бы вы меня угробили, то со всех вас быстро сорвали бы кубики со шпалами, потом без суда и следствия, а не наоборот, поставили бы к стенке… суть дела открылась бы в любом случае и вот почему: в науке – к вашему сведению, она является благороднейшим из предварительных следствий – в науке много чего тайного всегда становится явным… учтите, суть дела открылась бы без вас, потому что копия изложения всей сути хранится в надежном месте… где именно, унаете после выполнения моих условий… попытаетесь выбить их силой, тоже не услышите от меня ни словечка… короче, заговор о покушении на жизнь вождя, который, гражданин следователь, вы мне бесполезно шьете, это фрак для заведомого мертвеца – он уже затрещит по всем швам… а пошевелив мозгами, вы получите все: зашифрованные документы, естественно, код к ним, но далеко не сразу, а только после выполнения двух непременных усло-

вий… мне сохраняют жизнь, во что и верю, и не верю, как любит говорить Станиславский, – раз… второе условие, так и быть, поглощает первое: немедленно освобождаете действительно ни о чем не знающих жену и дочь, они выезжают в Англию к отцу и единственному деду вместе с собакой… подчеркиваю, вместе с собакой… о их благополучном прибытии извещает – меня лично! – телефонным звонком, причем, в этом кабинете мой тесть, пригласивший в гости родную дочь и внучку, чтобы спокойно отдать Богу душу… ему стукнуло девяносто, слава Богу, успел человек вырваться из лап вашего Феникса Эдмундовича, который – вон он, висит пока что только на гвОздике.

– А мы не зарвались ли, гражданин Доброво, мы не охуемши ли?.. ведь такой нахальной бредятины в нашем учреждении еще не срывалось даже с разбитых хлебалок соратников Троцкого… что за выпады мы себе позволяем?.. ведем себя, понимаете, хуже старорежимной проститутки.

Дребедень перестав «тыкать, никак не мог себя заставить обращаться к арестованному на «вы» и пользовался обходными местоимениями, что настроило А. В. Д. на оптимистичный лад.

– Просто не могу вести себя иначе – сказал он, – поскольку отлично понимаю, что на карту поставлены ваша и моя жизнь, и она мне намного дороже вашей, хотя вы не ставите ее ни во грош.

– Во-первых, не думаем, что я идиот – капитаны органов не бывают идиотами, и наоборот… во-вторых, оперируем фактами конкретных доказательств, не меля голословной чернухи… учтем, терпение органов не бесконечно… впереди, повторяю, мы тут вместе понаблюдаем за допрашиваемой супругой, затем за дочерью, а затем уж пойдет групповая очная ставка с применением методов дознания, даже врагу не пожелаю которых… не поможет – подключим к процессу арестованного пса.

– Действительно, перейдем ближе к «Делу»… извините, забыл его номер.

– «Двадцать один ноль девять».

– Благодарю, ближе к «Делу, номер двадцать один ноль девять», – слово в слово повторил арестант.

«Эти цифры могли бы стать одними из самых счастливых, увы, наверняка последних в моей жизни цифр, – подумалось ему, – но пока что надо делать вид, что дрожу от страха, не желая подохнуть… на самом деле я уже давно потерял право на жизнь… главное – спасти Верочку и Екатерину Васильевну с Геном… при везении вырву их из гнусных этих лапищ, из помойного этого ада… и вообще, мало ли чем черт не шутит, когда Бог спит».

Если бы не чрезвычайная серьезность момента, А.В.Д., углубившись в неожиданно открывшийся смысл поговорки, непременно порассуждал бы сам с собой о возможном наличии страшных сновидений у самого спящего Господа Бога; в частности, не снится ли Ему в данный миг все происходящее с ним, с гражданином Доброво, с его семьей, с животными, далекими от человеческих дел, с миллионами невинных людей – с теми, что живут на воле, пока их не возьмут, или уже взяли, добивают на допросах, затем приканчивают, а счастливчиков томят за решетками родины чудесной, закаленной в битвах и труде?.. но, главное, не собирается ли

черт, пока Господь спит, подшутить и сдать ему, А.В.Д., скажем, двух тузов, бубнового и червового, Дребеденю же – трефового и пикового?.. то-то будет смеху!»

Однако он резко пресек сознание, не вовремя растекшееся не по делу.

– Извините, гражданин начальник, несколько отвлекся… очень трудно сдаваться, к тому же осознавая, что обратного пути нет… словом, убойное доказательство ценности для государства моего научного открытия имеется… а вот есть ли у вас возможность выполнить пару моих предварительных условий?.. любая из пыток, поверьте мне на слово, только ускорит ваше и ваших бандитов падение в тартарары… мне, повторю, – сохранение жизни и придурковатая работа в научной шарашке… жене с дочерью и псом – немедленный выезд к отцу и деду… вы, естественно, не останетесь в накладе: чины, должности, однако поспешите, не в раю ведь живете… к слову говоря, рай был не вечен, а вот ад – на каждом шагу… словом, я не предлагаю вести игру на равных – просто постараемся считаться с реальностью и сделаем допущение, что оба мы не идиоты… к примеру, проснувшись, я более остро почувствовал, что проиграл свою жизнь еще в пятнадцатом… тем не менее, не жажду подохнуть – согласен жить… временами, знаете ли жизнь, дает знать, что она намного сильней нежелания человека продолжать ее в ожидании неизбежной кончины… короче говоря, неужели вы считаете, что ничтожная моя жизнь важнее для государства и его вождя, чем крупнейшее открытие, нужное науке, промышленности и сельскому хозяйству?.. задумайтесь на секунду и поймете, что ведете себя, как полнейший остолоп и дебил… не поймете, значит, объективно вы и являетесь подлинным вредителем, соответственно, врагом народа в этих стенах.

– Насчет того вопроса, кто из нас остолоп и дебил, мы еще к нему вертанемся в процессе дознания и установления полной правды… для начала принимаю оба предложения, так что выкладываем, так сказать, аванс – к начальству с пустыми руками не ходят, тем более по такому важному, понимаете, вопросу дня как освобождение и выезд жены врага народа с дочерью за пределы родины… собака-то – хер с ней, с собакой – она нигде не пропадет, поскольку, согласно закону, не считается членом семьи врага народа.

Для начала арестант придал своему и без того искалеченному лицу выражение страха, который он якобы испытывает, ступив на порог неотвратимости, затем разрыдался, словно бы трагически и навек расставаясь с самим собою – высоконравственной, но, как бы то ни было, только что скурвившейся личностью; голос его ослаб, подрагивали руки, блуждал и взгляд единственного глаза, окруженного кровавым синяком, – несчастного глаза, еще не свыкшегося с пожизненным одиночеством.

Дребедень быстро сообразил, что ему больше, чем расколовшемуся упрямцу, необходима небольшая передышка для разговора с высшим начальством, и, переборов себя, начал «выкать».

– Вас унесут, тренируйте, так сказать, нижние конечности, набирайтесь сил и помните: во всем виноваты вы сами: раньше надо было колоться, а не калечить людям, черт бы вас побрал, остаток служебных нервов, что вызвано обострением… я – на ответственном посту и уже забымши, что у меня горячей, что холодней, что чище – башка, сердце, руки или жопа, которую ваш брат, интеллигентик, называет «мадам Сижу»… завтра-послезавтра будьте готовы к изложению деловой информации, если не желаете быть поставленными ровно на четыре, как говорится в народе, мосла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.